

Мария Безбородова

Помимо телевизионной программы, Владимир Познер ведет передачу на радио «На семи холмах», пишет статьи в журнал «Дружба народов» и проводит мастер-классы для журналистов из регионов в Школе телевизионного мастерства, открытой им и его женой в 1997 году.

ВЛАДИМИР ВЛАДИМИРОВИЧ, вы как-то сказали, что вам очень важно сделать программу о проблемах простого зрителя. Можно ли считать такой передачей «Времена»?
— Действительно, мне всегда хотелось делать программу для широкого зрителя, поднимать и раскрывать в ней наиболее важные проблемы. Но главное — чтобы зритель понимал, почему это для него важно. Что касается программы «Времена», то, как мне кажется, она уже обрела популярность. Очевидно, это связано с тем, что обсуждаемые в ней вопросы вызывают интерес. Конечно, у передачи есть недостатки, возможно, в новом телевизионном году она немного изменится, но в целом мы добились того, чего хотели.

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

Владимир Познер не любит, когда его называют мэтром телевидения

Зрителям, находящимся в студии, отведена пассивная роль. Планируете ли вы что-то изменить в этом плане?

— Мне очень хочется, чтобы в конце передачи пришедшие на съемки зрители имели возможность высказываться по поводу услышанного, задавать вопросы основному гостю. Может быть, ради этого придется увеличить хронометраж, но этот вопрос необходимо обсудить с руководством ОРТ.

— Вас устраивает время выхода передачи в эфир?

— Поначалу казалось, что «Времена» выходят поздно, но я не мог не провести параллели с популярнейшей американской программой «Ночная линия», которую ведет блестящий, на мой взгляд, журналист Тед Копполд. Эта получасовая передача о политике начинается в 23.00 и довольно часто набирает высокий рейтинг, чем развлекательные программы, выходящие в это же время на других каналах. Думаю, расчет Константина Эрнста, решившего поставить «Времена» в 22.30, был очень точным. Во-первых, если бы программа вышла заметно раньше, другие телеканалы, из-за совпадения во времени, восприняли бы ее как вызов их информационно-политическим передачам. Во-вторых, не было никакой гарантии, что «Времена» получатся. Согласитесь, если бы провалилась программа, выходящая в настоящий прайм-тайм, возникло бы больше вопросов. Сейчас у «Времен» неплохой рейтинг, хорошая репутация, поэтому, на мой взгляд, было бы логично с нового телевизионного года выпускать ее в эфир немного раньше.

— Насколько я знаю, по первоначальной версии соведущий должен не только знакомить зрителя с новостями, но и полемизировать с вами. Справляется ли, на ваш взгляд, с этой ролью Жанна Агалакова?

— Жанна — профессиональный человек, но следует понять, что журналист, занимающийся именно информацией, редко чувствует себя комфортно в жанре беседы. Пока не знаю, какое будет принято решение, но хотелось бы, чтобы новости от программы отделили, потому что мне они не кажутся органичными. В идеале мне бы хотелось, чтобы наш тандем был похож на то, что мы делали в Америке с Филом Донахью.

— Передачу «Познер и Донахью» сняли из-за принципиальных разногласий с руководством канала Эн-би-си. Где все же извлекаются от ненужных программ топорнее: в Америке или в России?

— В США такие вещи делаются тоньше, но суть от этого не меняется.

— «Времена» сначала выходят на Дальний Восток, потом на другие регионы России. Были ли случаи, что «высокие» гости программы просили что-то вырезать, и на Москву выходила отцензурированная версия передачи?

— Для меня это принципиальный вопрос, и если бы такое произошло, я ушел бы с телеканала. Поначалу я немного перебирал положенное программное время, и приходилось что-то сокращать, но, уверяю, ничего важного никогда не вырезали.

— Вы не раз говорили, что рей-

тинг — одна из составляющих коммерческого телевидения. Наверное, поэтому во «Временах» в роли «свежей головы» иногда выступают представители отечественного шоу-бизнеса. Случалось ли вам разочаровываться в ком-то из них?

— Мы исходим из того, что в роли «свежей головы» должен выступать широко известный человек. Зачастую его реакция на обсуждаемые вопросы совпадает с тем, как бы на них отреагировали Иван Иванович или Марья Петровна. Даже если «свежая голова» неадекватна и скучна, к ней прислушиваются больше, чем к политикам. А потом на всех все равно не угодишь. Например, появление Ренаты Литвиновой в одном из выпусков «Времен» разделило зрителей на две части: тех, кому она страшно не понравилась, и тех, кто от нее в полном восторге. Но зато программу с ее участием смотрели, а это — главное.

— Довольно часто, общаясь с гостем, вы иронизируете. Случалось ли, что перед эфиром приглашенные в студию политики просили этого не делать?

— Такого никогда не было (Смеется). Однажды, правда, Константин Львович Эрнст по-

просил не слишком нападать на одного человека. Я ему сказал: «Если гость прямо отвечает на вопросы, не пытается увиливать и не принимает всех за дураков, гарантирую, что более корректного ведущего, чем я, вы не найдете». Ирония позволяю себе только в случае, если гость начинает злоупотреблять моим терпением, считает, что зрителю можно внушить все что угодно. Но замечать: я никогда не бываю груб и прилагаю массу усилий, чтобы соблюдал корректность, а немного иронии не помешает: в любом случае должна быть приправа.

— Сколько, если не секрет, стоит производство вашей программы?

— Понятия не имею. Я знаю, сколько мне платят — остальное меня не интересует.

— Программа «Времена» готовится к эфиру в мае 2000 года. Почему же она вышла только в октябре?

— Во-первых, были финансовые проблемы. Во-вторых, не успевали подготовить к сроку декорации. Наконец, уже однажды испытав провал с плохо подготовленной программой «Время и мы», я сказал, что не выйду в эфир, пока не будет твердой убежденности, что мы к нему полностью готовы.

— Вы как-то сказали, что модель российского телевидения схожа скорее с западной. Подтвердил ли апрельский телевизионный кризис эту точку зрения или, наоборот, показал, что у нас своя, чисто российская модель развития медиабизнеса?

— Активность, с которой частные структуры и власть пытаются внедриться в российское телевидение, — явление если и не уникальное, то весьма редкое. Такая тенденция наметилась еще во время выборов 1996 года, когда власть, поняв, что ТВ — мощнейший инструмент воздействия на общественное мнение, начала делать все возможное, чтобы контролировать крупные телеканалы. Раньше у власти был только РТР. Сегодня уже ОРТ и в какой-то степени НТВ. Несмотря на это, не стоит говорить, что в России все не как у всех, а гораздо хуже. Хочу обратить ваше внимание на недавние выборы в Италии, которые привели к власти господина Берлускони, — человека с весьма сомнительной репутацией. Он владеет тремя телевизионными каналами из шести, существующих в Италии, и, конечно, во время предвыборной кампании они на него очень серьезно работали. Теперь, являясь главой Италии, Берлускони контролирует и три государственных канала. Еще один пример: ведущие американские телесети принадлежат крупнейшим корпорациям: Си-би-эс — концерну во главе с «Вестингауз», Си-эн-эн — компаниям «Тайм-Уорнер» и «Америка Онлайн». То есть этот процесс происходит повсюду, но в России он более обнажен. Мне, конечно, неприятно, что журналистов контролируют люди, для которых телевидение — всего лишь часть крупного бизнеса, средство добывания денег и политический инструмент, но факт есть факт.

— Повлияла ли смена главного акционера ОРТ на вашу работу?

(Окончание на стр. 12)

СКРОМНОЕ ОБАЯНИЕ ПРОФЕССИОНАЛИЗМА

(Окончание. Начало на стр. 9)

— Когда Борис Березовский был фактическим хозяином ОРТ, ко мне он не обращался, используя для достижения своих целей других людей. Сейчас на Первом канале тоже есть журналисты, решающие задачи главного акционера. Я не стану называть их фамилии, но думаю, вы понимаете, о ком идет речь. Почему меня не трогают? Во-первых, еще не вечер, а во-вторых, выгодно иметь человека, на которого можно показывать пальцем и говорить: «У нас есть независимый журналист». Я не хочу кого-то «мочить» или разоблачать, вставать на чью-то сторону. Может быть, как раз это и устраивает руководство ОРТ. Пока мою журналистскую свободу никто не ограничивает, и поводов для жалоб у меня нет.

— Создается впечатление, что на ОРТ у вас достаточно привилегированное положение. Может ли вам кто-либо выказать, например, недовольство программой?

— Почему же нет? И Константин Эрнст, и Александр Любимов могут мне сказать все, что думают о передаче. Разговоры на профессиональную тему я только приветствую. Другое дело, что меня нельзя вызвать на ковер, потому что я не числюсь в штате ОРТ. В крайнем случае могут отказаться от передачи. На ОРТ знают: я очень люблю свою работу, но еще больше дорожу своей независимостью. Может быть, в этом и состоит моя привилегированность.

— Почему вы проходите в качестве свидетеля по делу об убийстве Дмитрия Холодова?

— Думаю, дело вот в чем. Когда-то в гостях у программы «Мы» был министр обороны Грачев, а среди зрителей находился Дмитрий Холодов. Грачев говорил о необходимости наращивать вооружение, и где-то ближе к концу передачи я его спросил: «А, собственно, кто ваши враги, что вы так хотите обороняться?» «У меня два врага — исламский фундаментализм и вот этот человек», — сказал министр, указывая на Холодова. Наверное, для прокуратуры это улика.

— В 1997 году вы открыли Школу телевизионного мастерства. Почему в ней могут учиться только журналисты из регионов?

— Школу мы открыли с Екатериной Михайловной Орловой. Она — ее директор и, по совместительству, моя супруга. Наша задача заключается в том, чтобы поднять уровень регионального телевидения. Практически все, кто учился в Школе, вернувшись в регионы, пошли на повышение. Мы пытаемся донести до них идею, высказанную когда-то Габриэлем Гарсиа Маркесом. В одном эссе он написал, что попытка разделять профессионализм и этику в журналистике — все равно, что отделять жужжание от мухи. Нет этики — нет и профессионализма.

— Мэтрам свойственно открывать таланты. Игорь Кириллов, например, вывел в эфир Жанну Агалакову, Екатерину Андрееву и многих других. Продолжили ли вы эту традицию?

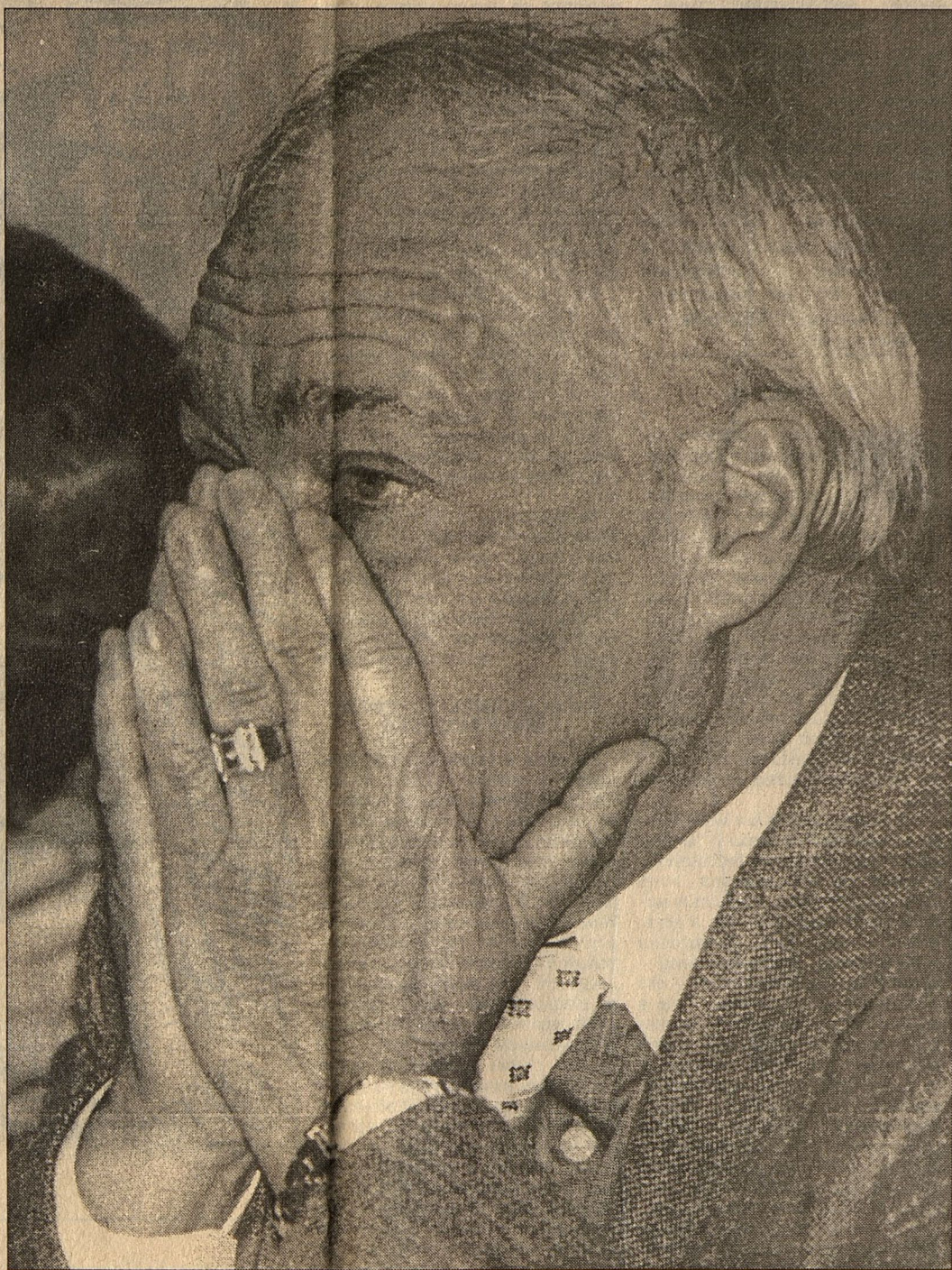
— Честно говоря, я не люблю, когда меня называют мэтром. Что касается телезвезд, то никого на телевидение я не приводил. Есть люди, которые называют меня своим учителем, но я таким себя не считаю. Вы уж извините, если я не стану их перечислять: это как-то неловко.

— Почему вы не занимаете никаких административных должностей на ОРТ? Наверняка подобные предложения были...

— Это абсолютно противоречит моим принципам. После ухода по собственному желанию в 1991 с Гостелерадио я себе поклонялся, что никогда не буду, во-первых, членом какой-либо партии, во-вторых, работать на какую-либо власть и в третьих — где-либо служить.

— Владимир Владимирович, вы не раз говорили, что журналист, по вашему глубокому убеждению, всегда должен находиться в оппозиции к власти. Хотелось бы уточнить: любите ли журналист и к любой ли власти?

— Журналистами я считаю в первую очередь информационщиков и людей, освещающих политические и социальные вопросы. Любая власть рассматривает информацию как инструмент, с помощью которого можно влиять на общественное мнение. Журналист же относится к ней как к пище, без которой общество обойтись не может. Нет плохой или хорошей информации,

Владимир Познер, независимый журналист. Фото Фреда Гринберга (НГ-фото)

есть просто информация, и она должна быть доступна. Из-за противоречий по этому ключевому вопросу журналист и власть находятся в постоянной оппозиции.

— А что делать, если журналист «передергивает» информацию?

— Если журналист, выполняя чей-то заказ, использует информацию в определенных целях, он перестает быть журналистом. Это уже пропаганда.

— До недавнего времени по такому принципу работал большинство российских телеканалов...

— Да, вы правы, но это грех не только телевизионщиков, а всех российских СМИ. Разве газеты не «передергивают» информацию?

— Работая и на радио, вы, телевизионщик, называете его «королевой журналистики».

— Радио развивает воображение гораздо больше, чем телевидение. Кроме того, оно самое оперативное и демократичное из всех СМИ и требует от журналиста умения точно, лаконично и понятно выражать свои мысли.

— Владимир Владимирович, вы долгое время жили в Париже и Нью-Йорке. Что вам ближе: Франция, Америка или Россия?

— Родины, в обычном понимании этого слова, у меня нет. Что касается России, то она мне не ближе перечисленных вами стран. У меня есть понятие «дом». Вот вы сейчас находитесь в моем доме, мне здесь хорошо, я его люблю. Но Москву, честно говоря, не люблю. Это какой-то «негулятельный» город: широкие улицы, ревящие машины, грязь, плохой воздух. В этом смысле мне больше нравится Париж: он какой-то теплый и добрый. Что касается Нью-Йорка, то, пожалуй, этот город ближе всех остальных: я там вырос, ходил в школу. Правда, говоря о Нью-Йорке, я имею в виду его сердцевину — остров Манхэттен, а остальные районы — Бронкс, Бруклин, Квинс — для меня абсолютно чужие.

— Может ли понимать российский менталитет человек, не чувствующий себя россиянином?

— Я очень хорошо понимаю российский менталитет, другое дело, что он не мой. Мой менталитет — это смесь. Представьте: взяли персик, яблоко и морковку, все это бросили в блендер и включили. Какой получится сок? Но если бы я не понимал менталитета зрителей, вряд ли бы они смотрели мои программы.

— Владимир Владимирович, насколько я знаю, вы в совершенстве владеете тремя языками. А на каком из них вы думаете?

— На том, на котором я говорю.

— А сны сняты на каком языке?

— Тоже на разных, а иногда даже на нескольких одновременно.

— А бывает, что вы, забывшись, переходите с языка на язык?

— Очень редко, но бывает. Особенно если я устал. К счастью, во время эфира такого не случалось. (Смеется).

— Правда ли, что больше всего на свете вы боитесь акул?

— Да, правда. Когда мне было шесть с половиной лет, наша семья бежала из оккупированной Франции в Соединенные Штаты. Теплоход шел из Португалии в США, и недалеко от Бермудских островов моряки обнаружили тухлую мертвую акулу, вокруг которой шныряло много акул. Капитан решил взять тухлую на борт, потому что в Китае есть дорогое вещество, использующееся в парфюмерии. Когда кит был уже на теплоходе, моряки решили поймать акулу. Они выбросили канат с крюком, на который был насажен большой кусок сала. Вскоре трехметровая акула была поймана. Я стоял прямо над ней, на второй палубе. Акула немного побилась, а потом замерла. Один из матросов начал ее бить противопожарным топориком, а потом ткнул ей пальцем в глаз. Я никогда не забуду, как буквально в одну секунду, она отхватила ему руку и фонтан крови, ударивший из сосудов, обдал меня. Матрос умер от шока, а я с тех пор панически боюсь акул.

— Владимир Владимирович, вы дважды становились лауреатом премии «Эмми», получили много других

наград. Какая из них вам дороже?

— Трудно сказать. С одной стороны, они мне все дороги, с другой — ни одна из них ничего не определяет, а скорее тешит самолюбие. Совсем недавно мне позвонил член Академии наук и сказал, что «Времена» делаются на очень высоком интеллектуальном уровне. В этот же день я проводил небольшую съемку на улице. Был адский шум, так как рабочие начали варить какую-то трубу. Я обратился к ним с просьбой прекратить работу буквально на две минуты, и один из них, посмотрев на меня, сказал: «Ой, да ради тебя, конечно! Мы тебя уважаем». Вот с этим искренним и теплым отношением совершенно разных людей никакая медаль сравниться не может. ■

ИЗ ДОСЬЕ «НГ»

Владимир Владимирович Познер родился 1 апреля 1934 года в Париже. До декабря 1952 года проживал вместе с родителями во Франции, США, ГДР. В 1958 году окончил биологический факультет МГУ по специальности «Физиология человека». С 1960 по 1961 г. работал литературным секретарем Самуила Маршака. В октябре 1961 года поступил на работу в АПН, затем перешел в Комитет по телевидению и радиовещанию (впоследствии Гостелерадио СССР) в качестве комментатора главной редакции радиовещания на США и Англию. В 1986 году — ведущий телемостов «Ленинград—Сиэтл» и «Ленинград—Бостон», политический обозреватель Центрального телевидения. С 1991 года ведет в США программу «Познер и Донахью», с 1995 г. — «Final edition» («Итоги недели»). С 1993 года делает на российском телевидении программы «Человек в маске», «Мы», «Если» и радиопередачу «Давайте это обсудим». В 1994 году становится президентом Академии российского телевидения.